

Владимир Венгловский
Елена Щетинина

УРАГАНЫ ВОЙНЫ

Москва
T8 RUGRAM
2020

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)
В29

Венгловский В., Щетинина Е.

В29 Ураганы войны / В. Венгловский, Е. Щетинина – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. – 372 с. – (Аква).

ISBN 978-5-521-76993-3

Встреча Севера и Юга обернулась войной.

Везде: на суше, на море и в воздухе.

Крол – первый ас северян. Йерка – стрелок лучшего пилота южан.

Прежним и новым героям предстоит сойтись в смертельном поединке.

Кровь и смерть, атаки и контратаки, рёв моторов, треск пулемётных очередей – Аква неотвратимо меняется, она уже никогда не будет прежней.

Ураганы войны смели мир, искорёжили его, надломили, но обрушить пока не смогли.

BIC FC

BISAC FIC009000

© Владимир Венгловский,

Елена Щетинина, текст, 2020

© Ольга Кандела, иллюстрации, 2020

© Ирина Косулина, обложка, 2020

© Дмитрий Брагин, форзацы, 2020

© Т8 RUGRAM, 2020

© Т8 Издательские технологии, 2020

ISBN 978-5-521-76993-3

I. Север Кодекс чести

ерт! Старина! Лучшую выпивку героям
неба!

Дружной толпой мы ввалились в бар «Уставший альбатрос», что стоял возле самой пристани. Наши кожаные куртки с меховыми воротниками всё ещё пахли порохом и машинным маслом. На рукаве у каждого виднелась эмблема: чёрный кракен. Похож на герб Нортера, похож... но всё же наш кракен другой, с распростёртыми по бокам крыльями. Когда-то этот отличительный знак придумал Алеко, командир нашей эскадрильи.

Но все скажут, что крылатых кракенов не бывает!

А теперь есть! – исправит любой из пилотов.

Злые языки утверждают, что лётчики живут недолго – от силы несколько недель. Как весенние бабочки, что появляются с первыми тёплыми лучами Матушки, а после устилают морской залив своими мёртвыми разноцветными тельцами. Человек не должен летать, словно птица. А поднявшись – умрёшь. Во всяком случае, так утверждают мореходы.

Но это ложь. Вороны не умирают. Мы уходим на просторы Бескрайних Равнин, где пасутся стада бизонов и скачут дикие мустанги. Но теперь я больше не мечтаю мчаться по степи на лошади. Я хочу лететь рядом с Великим Вороном. Чтобы ветер дул в лицо и слышался сладкий запах облаков...

– Герт! Дьявол тебя заberi! Где ты?!

– Да он ещё в погребѣ сидит!

– Выбирайся оттуда, храбрец! Налёт давно закончился!

– Знаете, а я бы тоже не прочь остаться рядом с таким количеством вина. Сейчас же пустите меня в погреб!

– Эгей, Герт! Тут Птаха сдерживать приходится! Вылезай да захвати бутылок побольше! И шелтского не забудь – с нами дамы.

Старина Кровь Росомахи забежал, сделав крюк, в заведение госпожи Корсо и явился в бар уже с двумя девицами. Причѐм нѣс их на своих широких плечах, а шлюхи смеялись и колотили его кулаками по спине.

Из погреба показалась гладкая, как бильярдный шар, голова Герта.

– Давай-давай, вылезай! – подхватили мы владельца бара под мышки и вытащили наружу, как пробку из бутылки.

Через минуту уже звенели наполненные вином бокалы.

– За сегодняшнюю победу!

– За героев!

– Кто у нас нынче отличился? Крол? Эй, лейтенант, сколько у тебя теперь?

Меня поздравляли, хлопали по плечу, пожимали руку... Но перед моими глазами всё ещё падал горящий гидроплан Сольма с нарисованной на фюзеляже ласточкой. Мой ведомый заваливался в пике и оставлял за собой клубы чёрного дыма. А где-то вдали смеялся мой невидимый дух-хранитель, и его смех походил на хриплое карканье.

Быстрый Птах освободил на стойке место и грохнул на неё дощечку с нашими победами. Напротив каждого имени было мелом указано число сбитых южан.

– Ещё один нашему Кролу?

– Ставьте-ставьте!

– Уже седьмой?! – похлопал меня по плечу Птах, пачкая куртку мелом. – Но прежде чем отметить успехи лейтенанта, воздадим же хвалу Великому Ворону!

Птах давно уже играл роль нашего шамана. Хотя в его молитвах не было ни капли искренности, но покойный дед Птаха считался предсказателем-вайтаном. А вайтаны уходят во время сна в Страну Бескрайних Равнин, где разговаривают с предками. Теперь Птах всячески уверяет, что способности деда передались и ему.

«Это смотря что пить, – шутил Кровь Росомахи. – Если, например, шелтское, то этой водичкой только баб спаивать. А вот если ту настоечку из чёрных ягод, что готовит Берт, то после неё с самим Унктехи целоваться полезешь».

– Внимание! – поднял руку Истэка Ястреб. – Всё должно быть официально! Кто может подтвердить победу Крола?

– Ну я! – воскликнул Кровь Росомахи. Желание описать сегодняшнюю схватку бурлило в нём и рвалось наружу. – Специально для тех, кто не видел. Наш герой смахнул врага на самом подлёте к дирижаблю! Да! Уж я-то не слепой, как некоторые! Лечу, значит! Верчу головой! Дирижабль зюйдов уже с пустыми подвесками! Значит, вылетели все его птички. Решили обойти нас со стороны. Их излюбленная тактика. Исподтишка. Из засады. Не иначе как за облаками прячутся. И тут они идут на нас, лоб в лоб! А Крол впереди! И тоже не свернёт! Что бы вы думали? Южанин сдрейфил! Рванул вверх, и Крол в него... Полную очередь! Та-та-та-та-та! Всадил прямо в брюхо, да так, что аэроплан развалился ещё в воздухе!

– А ты сам-то что?

– Ну и я одного смахнул... – расплылся в улыбке Росомаха. – Вон Птах подтвердит. Правда, Птах? Это уже когда они от нас драпанули, смахнув беднягу Сольма. Сел я, значит, зюйду на хвост, лечу, прицепился, как пиявка в болоте – не сбросить. Давлю на гашетку – заклинило, кракен ему под хвост! Щёлк! Щёлк! Тишина! Не иначе, думаю, как проделки дьявола-Унктехи! А у зюйда второй стрелок по мне из пулемёта палит! Гляжу – ребёнок совсем, мальчишка! Ну неправильно это, когда тебя сопляк сбивает! Вспомнил, что нам Берт рассказывал. Говорит, если заклинило – врежьте по пулемёту гаечным ключом! Но ключ-то ещё искать надо! И так в кабине не развернуться. Ну, я кулаком и вмазал!

– Не сломал? – ехидно поинтересовался Птах.

– Не-е-е! И что бы вы думали? Заработало! И я очередь – прямо зюйду в хвост... по второму стрелку – только кровь разлетелась! Южанин сразу задымил – и в пике! Так что мне тоже ставь плюсик, Птах. Это какой уже – четвёртый? Раз, два, три... О! Ещё один – и будет у нас на одного аса больше. Мой сегодняшний пилот с парашютом сиганул – надо бы сообщить, чтобы искали, вдруг найдут. Хотя акулам тоже что-то жрать надо, согласны? Знаете сколько он в моей пташке дыр понаделал?

– Да уж, – оскалился в жуткой ухмылке Истэка (от его улыбки мороз пробегает по коже: это из-за шрама от удара томагавком по лицу). – Все слышали, как наш Берт орал после того, как ты сел. Ещё один, говорит, такой вылет, и проклятому ворону нужен будет новый гидроплан. А с этим придётся всю ночь провозиться! Не крылья, а сито для мытья ракушек.

Истэка был не из Воронов – из Койотов, и всегда норовил поддеть бывшего врага из другого племени. Он был ведомым Росомахи, и после боя они часто ссорились.

Однажды даже сцепились на ножах, и Росомаха оставил глубокий порез на груди Истэки. Тот зашил рану сам, не подпуская к себе врача.

Но с южанами они всегда дрались вместе.

«Что же, без этого сына плешивой вороны придётся воевать? – возмущался Истэка, когда Алеко приказал им разделиться и выбрать себе в пару других пилотов. – Оставить все трофеи ему? Ну уж нет!»

«Отдать кому-то этого слабака? Чтобы меня за это прокляли?» – ревел Росомаха.

Так они и остались вдвоём. А в небе во время боя будто читали мысли друг друга.

– Ничего, подлатает мою птичку! – отмахнулся Кровь Росомахи. – А кто дирижабль сжёт – командир?

– Да, – кивнул я. – Как и в прошлый раз. Вот этим.

Я вынул из кармана зажигательный патрон и бросил на стол.

Внутри оболочки вражеского дирижабля находятся заполненные газом баллоны. Пробей один из них – и дирижабль этого даже не заметит. Давление водорода закроет дыры от пуль. Но от зажигательных зарядов вражеская машина вспыхивала сразу, как факел из промасленной парусины. Фух! Столб искр и пламени!

Кровь Росомахи поймал покотившийся по столу патрон в подставленную ладонь и кивнул:

– Дирижабль, конечно, горел славно. Это мы сегодня молодцы.

Он уже скинул с себя куртку, демонстрируя крепкие, как у медведя, мускулы. Всё его тело покрывали красные пятна, которыми у воинов принято выделять старые шрамы. Кровь Росомахи не был женат и наносил следы от ранений сам, ловко орудуя стеблем тростника, смоченным багровой краской. Казалось, в такие минуты он полностью уходил в себя и мир вокруг переставал для него существовать.

Впрочем, в последнее время ритуальные узоры у сия начали сменяться татуировками – практично, долговечно и не смывается водой. Хотя многие из нас всё ещё придерживались искусства предков, но Кровь Росомахи давно для себя решил, что одно другому не мешает, и стал постоянным клиентом у мастера Ли.

Теперь на широком теле Росомахи можно было увидеть не только сцены из легенд с Великой Тайной и духами-хранителями, где Ворон сражается с Унктехи, а Койот с Пауком пытаются обхитрить друг друга, но и летящие на врага гидропланы. Шедевром мастера Ли стал наколотый на спине Росомахи крылатый кракен. Чудовище выбиралось из океана, и стоило Росомахе пошевелить лопатками, как начинало казаться, что кракен машет крыльями.

И ещё Росомаха первым начал отмечать татуировками свои победы. Полосы, обхватывающие его левую руку, обозначали число сбитых врагов.

Когда-то наши отцы с этой целью вплетали в волосы перья. Но времена меняются, и многие из пилотов последовали примеру Росомахи. Теперь необстрелянного новичка было легко отличить от матёрого аса: тот гордо ходит с закатанными рукавами, тогда как слётки¹ стыдливо застёгивают манжеты на все пуговицы.

Я поднял бокал, требуя тишины.

– Сегодня мы не просто вернулись с победой, – сказал я. – Сегодня мы защитили шедшую к нам шхуну из Мистрала. Это новые пулемёты! Это новые зажигательные пули! Это новые моторы... для чего?!

– Для гидропланов!

– Да! Для наших «альбатросов»! Мы выстоим! Мы покажем этим зюйдам, как умеют драться сия! За нашу победу!

Говорят, что на борту «Голубки» к нам прибыл корреспондент из «Вестей Бризоли». Что ж, будет кому строчить

¹ Слёток – насмешливое прозвище пилотов-учеников.

передовицы о наших славных победах. Если, конечно, писаку не прихлопнут при первом же налёте.

Вино в моём бокале было красным, как кровь Сольма.

«Это мой сбитый, Крол! – показывал он вчера левую руку. На его запястье красовалась первая вытатуированная полоса. – Я скоро обгоню тебя, вот увидишь!»

Я помотал головой, прогоняя воспоминание, в котором в узкой кабине среди языков пламени бился раненый Сольм. Казалось, крики моего ведомого были слышны даже сквозь рёв двигателей.

...Они умирают. Все мои люди из эскадрильи. Один за другим. Дикий Вепрь, Виштэ-Орёл, Мирош пан Мистраль, который прорвался к нам в Нортер с одной целью – сражаться с проклятыми зюйдами. Моё место здесь, на войне, говорил он.

Их больше нет. Из стариков в эскадрилье остались только мы с Алеко.

Не знаю, сколько я уже совершил боевых вылетов. Давно сбился со счёта. Полтора месяца непрерывных сражений. Перед каждым взлётом говорю себе, что сегодняшний станет для меня последним – смахнут, как и остальных. Любому везению бывают свои пределы. Но я всё равно возвращаюсь живым.

У меня, как и у Алеко, за все бои нет ни единой царапины. Говорят, что это наш тан бережёт своего приёмного сына.

Но кто бережёт меня?

Из сегодняшнего сражения должен был не вернуться я, а не Сольм.

Я смотрел сквозь вновь наполненный бокал на горящую у потолка лампу и всё вспоминал и вспоминал, как погиб мой ведомый. Это случилось в первые секунды боя, когда зюйды напали на нас, словно коршуны.

Я незаметно достал из портсигара несколько ягод ойхой и уронил в свой бокал. Они опустились на дно, оставляя за собой чёрные следы, словно сбитые самолеты.

– Как вы можете веселиться, когда сегодня погиб один из наших?

Это спросил один из слётков, который обычно по вечерам тихо и незаметно сидел в углу бара. Мы его не прогоняли, хотя других новичков постигала подобная участь. «Кыш отсюда, когда отдыхают старики!» Но этот был... странным. Угрюмым и нелюдимым. Через его правую скулу пробегал рваный шрам, словно от зубов какого-то зверя, и хотя он был ещё молод, сквозь его тёмные жёсткие волосы пятнами проступала седина.

Однажды я видел подобную окраску у старого медведя. Тот поселился в лесу недалеко от эскадрильи, и мы часто замечали его следы. Со слов Быстрого Птаха, медведь явно затевал что-то нехорошее против нашей Матильды.

«Сожрёт он нашу псину, как пить дать. Она ж гоняет где ни попадя».

Вообще-то раньше Матильда была питомцем Хельги, жены Алеко, которую тот отправил подальше от войны в Землю Бет. Полное имя – «Матильда Одиннадцатая». Собак этой породы нумеровали, как царьков на варварском острове. И надо было такому случиться, что эта шавка куда-то спряталась как раз перед отплытием хозяйки и поэтому осталась на острове. Алеко притащил Матильду к нам в эскадрилью, и самое смешное, что к этой псине больше всех привязался Кровь Росомахи. Разговаривал с ней, как с человеком, вычёсывал шерсть и носил лакомства.

Он-то и прикончил этого медведя. Выследил, всадил не менее восьми пуль из карабина, снял шкуру и развесил возле форта среди деревьев. Теперь после хорошей выпивки использует её в качестве мишени. Я часто видел, как едва держащийся на ногах Росомаха выхватывал

